

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА НА СТРАНИЦАХ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ГАЗЕТ:

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ

Ирина Тартаковская Самара

Настоящая статья посвящена анализу тендерных ролей, представленных в трех влиятельных российских периодических изданиях разной направленности. Главная цель нашего исследования состоит в попытке сопоставить репрезентацию «маскулинности» и «женственности» в массовой печати и восприятие ее читателями газет. Такой фокус исследования обусловлен тем, что, несмотря на существование огромного корпуса работ, посвященных разным аспектам репрезентации пола¹, сравнительно редко ставился вопрос о воздействии на реципиентов имиджей, предлагаемых различными средствами массовой коммуникации. Этот «дисбаланс» в значительной степени свойствен и феминистской теории, в рамках которой неоднократно делались выводы о сексистском характере любого тендерного дискурса в рамках господствующей патриархальной культуры, а система массовой коммуникации, с помощью которой эти дискурсы распространяются, рассматривалась как важный инструмент ее утверждения².

Современное понимание массовой коммуникации подразумевает, что она не носит откровенно тоталитарного характера хотя бы потому, что роль реципиента - читателя, зрителя, слушателя - является активной¹. Представления о том, что смысл любого текста конструируется читателем не в меньшей степени, чем автором, сейчас практически не оспаривается. В то же время политические акценты, как правило, при-

существующие в гендерных исследованиях, невольно смещают фокус проблемы именно на репрезентацию как таковую.

На наш взгляд, чрезвычайно интересно проследить, как отражается «дискурс пола», представленный в том или ином носителе информации, в восприятии адресатов этой информации, как «раскодируются» содержащиеся в тексте значения.

Выбор «посредника» пал на массовую общественно-политическую прессу прежде всего потому, что она чрезвычайно редко становится объектом анализа с позиций тендерной социологии. Поскольку в последней доминируют феминистские исследования, в центре внимания обычно оказываются «женские жанры», такие, как женские журналы, мыльные оперы, «любовные» романы. Многочисленные работы посвящены также рекламе из-за ее декларативной направленности на реципиентов того или иного пола. Большинство же газет адресуется некой «бесполой» аудитории, чтение их иногда даже считается преимущественно мужским занятием. Если они и попадают в поле зрения тендерных исследований, то оцениваются лишь фрагментарно, например, только новости на первой полосе (так, отмечалось игнорирование журналистами проблем женского движения и вообще релевантной для женщин социальной проблематики). В то же время газета, в особенности российская, представляет собой не только отчет о новостях дня: каждый номер является особой целостностью, включающей в себя и политическую пропаганду, и развлекательную информацию, и сплетни, и «бытовые сценки». Во всех них присутствуют разные персонажи: мужчины и женщины, описанные свойственным каждой газете специфическим языком, наделенные положительными и отрицательными чертами.

Особенность «дискурса пола» состоит в том, что он поистине всеобщ и всеохватен, поскольку так или иначе касается базовых черт идентичности любого человека. Концентрация внимания на выражено «половых» жанрах (таких, как специальные женские и мужские издания или телепередачи) обедняет наше представление об аудитории средств массовой коммуникации, мужчинах и женщинах, ежедневно становящихся объектом воздействия самых разнообразных «месседжей», в которых «закодирована» информация о том, что является «нормальным», правильным, а что - неприемлемым для человека каждого пола.

Таким образом, наша статья делится на две части: первая посвящена собственно анализу репрезентации гендерных отношений на страницах выбранных нами газет, а вторая - оценке содержания этих (и других) газет читателями.

Я разделяю точку зрения Б. Клементс, В. Голдман и других исследователей, согласно которой в советском обществе существенную роль в определении содержания тендерных ролей обоих полов играло государство⁴. Мне показалось интересным использовать материалы советских газет в качестве образца «легитимного дискурса»⁵, представляющего государственную точку зрения по всем основным вопросам, в том числе по вопросу о том, что является «нормой» и «отклонением» в сфере пола.

Я выбрала три советские газеты, принадлежавшие к числу наиболее известных и влиятельных: «Известия», «Комсомольскую правду» и «Советскую Россию». Для того, чтобы проследить эволюцию этих представлений в постсоветской России, я использовала те же издания за те же месяцы, но 13 лет спустя. За это время все газеты стали независимыми от государства, но сохранили ведущую позицию в российском информационном пространстве: «Известия» стали наиболее влиятельной газетой либерального направления; «Комсомольская правда» осталась наиболее популярной молодежной газетой, а «Советская Россия» превратилась в самую массовую оппозиционную газету.

В качестве метода исследования был выбран дискурсивный анализ. Решение о выборе именно этого метода было принято, во-первых, потому, что гендерные отношения как таковые не являлись приоритетной темой ни для одной из перечисленных выше газет, и контент-анализ не обеспечил бы достаточно представительного и интересного материала для анализа; а во-вторых, из-за специфики предмета - для репрезентации мужественности и женственности наиболее существенное значение имеет не только содержание текста, но его контекст, тончайшие нюансы его организации, оттенки значений и противоречия между ними. Неадекватность контент-анализа применительно к задачам изучения репрезентации пола отмечалась многими авторами⁶. Возможность уловить смысловое поле текстов в наиболее полном виде дает именно дискурсивный анализ⁷. Для удобства сравнения отобраны подшивки всех трех газет за два хронологических периода: январь-февраль 1984 г. (последний год «застоя» перед приходом к власти Горбачева) и те же месяцы 1997 г.

1. «Известия»-1984

Представление о женщине как жертве присутствует в «Известиях»-84 точно так же, как в «Известиях»-97, но это относится только к западным женщинам. Вообще образный ряд советской газеты, особенно той, где большое внимание уделяется международным новостям, поляризован: в нем присутствует «наш мир», имеющий свои внутренние проблемы, но окрашенный в несомненно оптимистические тона, с одной сто-

роны, и «империя зла» в лице «западного мира», где обычный человек просто не может не страдать, - с другой. Вот характерный фрагмент: *«Пополнила ряды безработных и Жанин Штокер. Ее муж попал в тюрьму за кражу, которую он совершил, отчаявшись обеспечить нормальным путем жизнь жене и дочери»* («Известия»-84, № 2). Ничем, кроме времени и места действия, стиль этой заметки не отличается от тех, которые будут опубликованы в этой же газете 13 лет спустя, но уже применительно к жестоким реалиям современной России. Но если идеологема «слабая женщина - жертва бездушного государства» является общей для обоих временных пластов (меняется лишь название государства), то обратное представление о государстве - как о защитнике и гаранте всех благ - свойственно, конечно, лишь прессе советского периода.

Семья для советских «Известий» в известной мере сакральна, она считается безусловным благом. Соответственно, у идеологических противников нормальных, счастливых семей быть не может, это лишь отвлекающий маневр.

В качестве важной темы, постоянно присутствующей на страницах советских «Известий» применительно к отношениям полов, выступает материнство. Любая молодая женщина, если еще не имеет детей, является потенциальной матерью. Это подчеркивается, например, в материале «Очищение», где речь идет о съемках фильма о специальном профтехучилище для девочек - несовершеннолетних преступниц: *«И все-таки мы робели, ведь снимали девочек, будущих невест и матерей. Основной упор в воспитании делается на доверии к личности, на ее нераскрытые душевные ресурсы, а применительно к девочкам - еще и на заложенные природой силы материнства»*. Государство здесь персонифицировано в лице директора и воспитателей училища, которые берут на себя родительскую функцию, они даже называют девочек «дочерьми». Интересно, что заметка снова и снова возвращается к целям перевоспитания юных правонарушительниц: *«Воспитатели добиваются устойчивых нравственных перемен у своих воспитанниц: от нравственного поведения - к нравственному сознанию. Для девочек это особенно важно, ведь им скоро замуж надо выходить, растить детей... Бывшие воспитанницы пишут о детях, о своих семьях»* («Известия»-64, № 8). Создается впечатление, что спецучилище функционирует как институт благородных девиц: все, что может ожидать выпускниц - это удачное замужество как показатель успешности перевоспитания.

Но материнство функционально, почти формализовано. Например, в публикации, посвященной необходимости качественной работы детских дошкольных учреждений, подчеркивается, что детский сад «помогает

решить не только социальную проблему, но и экономическую. 98% женщин в городе работают на заводах и фабриках, в учреждениях и организациях. А ведь каждый день, потраченный на уход за больным ребенком - это прямые потери в выпуске продукции, в ее качестве» («Известия»-84, № 30).

Что касается отношений в семье, то «Известия»-84 предполагают, что они должны быть эгалитарными в плане разделения домашних обязанностей («*Мы с мужем никогда не считались, кому делать домашнюю работу: кто мог, тот другому облегчал тяготы.*») В том же духе предлагается воспитывать детей: «*Ваню я спокойно оставляю за хозяйна... Он и пол вымоет не хуже меня, и сготовить может, как девушкака...*» При этом «*мальчики... дома умеют делать все: варить обед, вязать теплые вещи, помогать в уборке...*» («Известия»-84, № 9, материал «Обыкновенное чудо»). Так выглядит социальный идеал середины 80-х: добропорядочная, умеренно патриархальная, многодетная семья, с работающими родителями и самостоятельными, трудолюбивыми детьми. Все трудности преодолеваются сообща, внутренних конфликтов нет.

При этом мужчина и женщина должны быть «взаимозаменяемы» на «мужской» и «женской» работе как дома, так и на производстве. Формально это требование выглядит как демократическое и почти феминистское, но под ним кроется вполне прагматическая подоплека: мужчины должны участвовать в домашней работе, чтобы женщины успевали ходить на работу и воспитывать «двоих, троих и пятерых детей». С тех же позиций решается и проблема мужских и женских профессий: не только в «Известиях», но и других газетах начала 1984 г. неоднократно встречаются материалы на одну и ту же тему, посвященные мужчинам-дояркам. Доярка исторически была типичной женской профессией. К середине 80-х в деревнях сложился дефицит женских трудовых ресурсов. Женщины в массовом порядке уезжали в города на учебу и работу. Мужчины-сельчане имели возможность работать на относительно высокооплачиваемых должностях комбайнеров, механизаторов и т.п. и не так охотно расставались с родным селом. Соответственно, на фермах образовался недостаток рабочей силы, и туда стали всячески «заманивать» мужчин. Газеты осуществляли идеологическую поддержку этой кампании, пользуясь вполне характерными аргументами: «*В пятидесятых годах это была действительно женская профессия. А сейчас, пожалуй, только название остаюсь старое, а сущность-то в корне изменилась: техника пришла на ферму, и нагрузка сильно увеличилась*», - пишет дояр - Герой Социалистического Труда в ответ на письмо своего молодого коллеги, который жалуется, что где бы он ни показался, «в спину

летят язвительные смешки, унижительные клички» («Известия»-84, № 15),

В то же время, конечно, нельзя сказать, что роль советской женщины рисуется исходя из однозначно прагматических соображений. Существует определенная идеологическая традиция, подчеркивающая активное участие женщин в революционном движении, в военных событиях и т.д., следуя которой женщина должна быть активной и самостоятельной гражданкой своей страны. Кстати, в качестве образца идеальных семейных отношений в «Известиях»-84 неоднократно приводится семья Ленина и Крупской.

В целом, если оценить содержание всех публикаций в «Известиях» за январь-февраль 1984 г., так или иначе касающихся тендерной тематики, то ведущей темой и ведущей формой тендерных отношений, несомненно, является семья. Взаимоотношениям в семье, заключению брака, рождению и воспитанию детей посвящено 43% всех «тендерных» публикаций. Среди других тем, связанных с репрезентацией пола, довольно часто упоминается женское движение на Западе, но только в части его пацифистских инициатив, слово «феминизм» даже не упоминается. «Отрицательных» женских и мужских образов очень мало, они вообще нетипичны для советской прессы.

2. «Известия»-1997

В целом тендерный дискурс «Известий»-97 можно считать последовательно либеральным. Критические по отношению к женщинам материалы очень редки. В случае описания конкретных примеров конфронтации между полами журналисты, независимо от своей половой принадлежности, поддерживают скорее женщину или, в крайнем случае, вообще никого.

Даже если женщины выступают в роли агрессоров, убийц, тон заметки остается достаточно сочувственным, случившееся предстает как «объективная трагедия», в которой никто конкретно не виноват. Вот как, например, освещается в «Известиях»-97 судебный процесс над российской эмигранткой, убившей бывшего мужа (материал «Суд сказал «виновна»): *«49-летняя Рита Глузман признана виновной в убийстве и расчленении тела своего мужа, 46-летнего Якова Глузмана. За 27 лет совместной жизни Рита и Яков преодолели многие испытания - преследования советских властей, насильственное разлучение, сумев в конце 70-х годов получить долгожданное политическое убежище на Западе. Но семейного счастья, увы, так и не наступило. Супруги стали жить раздельно, и Яков подач заявление о расторжении брака, надеясь*

жениться на другой женщине. Однако Рита не пожелала смириться с этим» («Известия»-97. № 20). Никакой враждебности по отношению к Рите Глузман автор заметки не выражает. Вот еще более выразительный пример: «Первая женщина-киллер доярка Марина осуждена на 7 лет несвободы за исполнение заказа: уж очень было жаль соседку, которая мытарилась со своим непутевым мужем. Он был судим, издевался над женой и ее престарелой матерью» («Известия»-97. № 14). Таким образом, Марина предстает чуть ли не защитником справедливости.

В то же время чаще всего женщина описывается как беспомощная жертва, не способная защитить себя от мужской жестокости или насилия; «Муж бросил ослепшую Валентину Михайловну с двухлетним сыном на руках» (19, 31.01). Репертуар враждебных действий, осуществляемых мужчинами по отношению к женщинам, конечно, не ограничивается прямым насилием: упоминается и вывоз девушек за границу с целью проституции, и просто хамские выходки в адрес журналистки (заметка «Дон Кихот с нецензурным приветом», 22), и многое другое.

Образ женщины как жертвы безусловно преобладает на страницах «Известий»-97: он представлен в 37% всех публикаций, где так или иначе упоминаются женщины.

Четко прослеживается тенденция рассматривать отношения между полами как преимущественно конфронтационные. При этом «тендерные формы» нередко принимает и социальная конфронтация, когда мужчина выступает как носитель грубой силы, а женщина как жертва, как представительница относительно или полностью депривированных слоев населения.

В качестве «положительных героинь» «Известий»-97 присутствуют прежде всего сильные, яркие женщины, масштабные личности, часто имеющие отношение к творчеству - художница Татьяна Назаренко, певица Алла Пугачева и т.п. Ключевое слово в описании женщин - общественных деятельниц - «харизматическая». К явно «харизматическим» женщинам примыкают «женщины карьеры» или «специалистки» (например, М.Олбрайт), «прогрессивные общественные деятельницы» (леди Диана). Вместе вся эта категория положительных героинь (с явным акцентом на слове «героиня») присутствует в 14% известинских «женских» публикаций за указанные месяцы.

Другая категория положительных героинь связана с традиционными образами женственности: верная подруга, ждущая своего мужа; ухаживающая за больным возлюбленным; самоотверженная, образцовая мать; умелая домохозяйка. Такие персонажи встречаются реже - всего в 7% случаев.

Интересно, что на страницах «Известий»-97 практически не встречается описаний женщины как сексуального объекта, с акцентуацией на внешней привлекательности и сексапильности: лишь мимолетные характеристики скорее романтического характера: например, *«легкомысленная бабочка, пылкая и свободная»* - но и они единичны.

Галерея отрицательных женских персонажей представлена в 11% публикаций «Известий»-97 на женскую тему. Базовый отрицательный персонаж является аналогом отрицательного мужского: он встречается в тех публикациях, где женщины предстают носителями агрессии и насилия. Однако, как было отмечено выше, о женщинах-убийцах газета пишет скорее с прискорбием, чем с гневным осуждением. Другой отрицательный образ - достаточно редкий в «Известиях»-97 - связан с женщинами излишне откровенными, бестактными, «трясущими грязным бельем» - речь идет об участницах одной из телепередач. Но наиболее резкую критику в «Известиях»-97 вызывают женщины, которых можно определить как «облеченных властью скандалисток» - например, *«бесцеремонно действующая супруга Собчака г-жа Нарусова»* («Известия»-97. № 18).

Если сравнить галерею женских образов «Известий»-97 и «Известий»-84, то отрицательные героини остаются примерно одинаковыми - активными скандалистками. Положительные же претерпевают определенную эволюцию: если в газете советских времен позитивные и негативные образы примерно соответствуют классической дихотомии «мадонна - шлюха», то в новой газете положительная героиня все же больше похожа на свободную, творческую личность, чем на «лапочку» или революционерку.

Проститутки упоминаются примерно в 5% публикаций на женскую тему. Они описываются не как отрицательные героини, но вполне нейтральным тоном, никакого осуждения по их поводу в позиции газеты не прослеживается (материал «Секс в Омске есть»).

Помимо рассмотренных публикаций, где заметный акцент сделан на их действующих лицах, в «Известиях»-97 есть также некоторое количество материалов, посвященных различным женским проблемам: например, женской занятости, здоровью, новым репродуктивным технологиям. Эти проблемы газета пытается рассматривать с позиций защиты интересов женщин. Так, положение суррогатной матери описывается как драма, на которую женщину могут толкать лишь крайние обстоятельства: «Родить и расстаться». За 6200 фунтов Нина из Питера готова отдать ребенка иностранцам. Женя, 29 лет, уже отдала своего мальчика чужим людям. *«Я чувствовала себя опустошенной, по что делать? Я была техником на фабрике и потеряла работу. А у нас двое детей»*,

Женя говорит, что, очевидно, ей «еще раз придется рожать по заказу» («Известия»-97. № 6).

Что касается мужских персонажей, то они, как и женские, представляют собой галерею положительных и отрицательных героев. Но у мужчин в варианте «Известий-97» эта галерея имеет значительную протяженность в отрицательную сторону: 60% материалов, которые так или иначе связаны с героями-мужчинами, описывают их преимущественно «черной краской». В качестве характеристик отрицательных персонажей фигурируют обычно мат, пьянство, хулиганство.

В то же время наиболее радикальные преступники, убийцы, тоже, как правило, оказываются жертвами - социального окружения, родителей, тяжелого детства и т.д. И главным источником «виктимизации» будущего убийцы и насильника часто выступает женщина: плохая мать, неверная подруга и т.п.

Наиболее положительные «маскулинные герои» обычно бывают уже погибшими, обреченными, смертниками или жертвующими собой с готовностью погибнуть. При этом они не обязательно обладают безупречным «моральным обликом», могут иметь некоторые черты брутальности: например, пить водку, быть вспыльчивыми, вступать в конфликты. Но главное здесь - потенциальная готовность к смерти, и многие из них уже умерли (20% «мужских материалов»).

Если рассмотреть, какие темы, относящиеся к сфере гендерных отношений, чаще всего затрагиваются «Известиями»-97, то картина будет примерно следующей: больше всего публикаций на темы домашнего насилия и других вариантов конфронтации между полами (около 35%), затем - любовь, ревность, светская хроника. Единичны упоминания о «нормальной семейной жизни».

Газета отдает дань и тендерным стереотипам, т.е. расхожим устойчивым речевым штампам, отражающим шаблонные представления о женщинах и женственности. Например: *«Когда речь идет о женщинах, то не принято уточнять юбилейную дату. Но Нина Афанасьевна, мудрая и откровенная женщина, никогда не считаю нужным скрывать свой возраст»* («Известия»-97. № 10). Интересным примером стереотипизирования реальности может также служить рецензия на фильм Киры Муратовой «Три истории». Автор рецензии (мужчина) с изумлением вопрошает: *«Неужели всю эту фантастическую фантазмагорию смогла извратить такая хрупкая и кроткая женщина?»*.

Таким образом, в целом тендерный дискурс современных «Известий» выглядит как описание поля битвы, где неизменно проигрывают женщины, но и порядочным мужчинам приходится нелегко. Женщины представлены так, что в основном вызывают чувство жалости, но не

благодаря их собственным свойствам, а из-за жестоких, бесчеловечных ситуаций, в которых они часто оказываются. И хотя положительная героиня «Известий-97» выглядит скорее как независимая современная женщина, профессионал, отношение к ней все же достаточно амбивалентно. Газета редко морализирует, преобладающая тональность публикаций нейтральная, иногда серьезная, но чаще сдержанно-ироничная.

Нельзя сказать, что отношения между полами являются приоритетной темой, но все же почти в каждом номере один-два материала так или иначе затрагивают эту проблематику. Чаще всего это небольшие заметки, сообщающие о происшествиях.

Иконография «Известий»-97 выглядит так: из 312 фотографий, на которых изображены люди, 75% изображает мужчин, 13% - женщин, а на 12% присутствуют лица обоего пола. Таким образом, визуальный мир «Известий»-97 предстает отчетливо мужским, еще более, чем в 1984 г., и представители разных полов пересекаются в нем гораздо реже. Зато число фотографий известных людей многократно возрастает: у мужчин «знаменитости» составляют 58% всех мужских фотографий, а у женщин всего 37%. Так распределяются роли между «деятелями» и «обычными людьми», которые составляют скорее часть фотографического пейзажа.

3. «Комсомольская правда»-1984

Советские газеты отличаются от газет 90-х годов гораздо большим единообразием. Прямая идеологическая цензура предполагала наличие единого дискурса власти, транслируемого через все средства массовой коммуникации, и хотя стили разных изданий могли несколько отличаться, позиция по поводу основных аспектов социальной действительности была одинаковой. Тендерные отношения не являлись исключением. Поэтому в основном расстановка акцентов в «Комсомольской правде» 1984 г. совпадает с той, что представлена в «Известиях» того же года издания.

В то же время «Комсомолка» подразумевала молодежную аудиторию, и поэтому репрезентация мужественности и женственности на ее страницах имела определенную специфику. Прежде всего, отношения между мужчинами и женщинами изображаются в романтической тональности с сильным оттенком мелодраматичности, которая используется прежде всего для описания мира женщин, женских судеб (что совпадает с трактовкой Э. Гидденса романтической любви как преимущественного женского проекта будущего)⁸: *«Зачем она пошла на тот вечер? Зачем? Знала же, все кончится танцами. Паренек видел ее впервые.*

Понятно: он ничего не знал. Подошел, протянул руку галантно и пригласил ее на «тур вальса». Она побледнела. Домой пришла вся в слезах: «Мамочка, разве нельзя ничего сделать? Я останусь больной на всю жизнь? А мне так хочется танцевать...» Л могу понять перегруженного работой хирурга, но в первую очередь я обязан понять девочку. Она хочет танцевать!» («Комсомольская правда»-84, № 1) Речь идет о девочке-инвалиде, для которой, как предполагает автор материала, невозможность танцевать является главной и чуть ли не единственной проблемой.

Если в «Известиях»-84 доминирующей формой тендерных отношений является семья, то в «Комсомолке»-84 - романтически-сентиментальная влюбленность (причем не обязательно у молодых людей).

Другой особенностью «Комсомолки»-84 является ее более очевидная, чем в других газетах, воспитательная направленность и особая «назидательно-патетическая» интонация. Советский «легитимный дискурс» апеллирует к тому самому «ведущему в мировой социальной практике» типу женственности, который представлен в русской классической литературе XIX века (об этом говорит упоминание именно «русской», а не «советской» женщины). Речь идет о ярких, романтических женских образах, связанных прежде всего с самоотверженной любовью и готовностью жертвовать собой. Но к этой отчетливой коннотации немедленно добавляется уже чисто советский идеологический штамп: *«Мы первыми освободили женщину»*, хотя тот тип женских образов, о котором идет речь, меньше всего нуждается в освобождении.

Отрицательных героинь, как и героев, отличает прагматизм, «потребительская психология», которая приводит их к противоправным, с точки зрения советского законодательства, действиям. Типичный пример - фарцовщики, т.е. мелкие оптовые и розничные торговцы, и вообще молодые люди, стремящиеся вести «красивую жизнь». Фарцовщики и «хайлайфисты», в отличие от передовиков производства, судя по материалам газеты, ведут интенсивную личную жизнь, но здесь уже речь идет не о романтических отношениях, а о «половой распушенности»: *«Припомнил также кое-что и о том, чем занимались они с Асеном и двумя девушками, которых он видел впервые в жизни. Потом эти вечера повторялись не раз - менялись только партнерши. За шмотки Дима ничего и никого не пожалеет. Даже невесту. Бедная Таня!»* (Там же). Секс упоминается в советской молодежной газете только с целью стигматизации отрицательных героев, как показатель их нравственной деградации.

«Слабым звеном» женщина может стать в разных ситуациях: так, комсомолец, автор письма в газету, жалуется, что теща решила окрестить в церкви его сына, когда он заболел, причем его жена, тоже комсомолка, «*против крещения не возражала, а я не мог им доказать*» («Комсомольская правда»-84, № 10). Конечно, так могут вести себя не «героини», а обычные, «бытовые женщины», не нашедшие себя в служении государству и его идеалам.

Материалов, которые могут быть интерпретированы с точки зрения отношений между полами, так же, как и выразительных, «психологизированных» образов мужчин и женщин, в «Комсомолке»-84 опубликовано немного, что делает бессмысленным любой их количественный анализ.

Визуальный ряд «Комсомолки»-84 очень близок по своему половому составу тому, который присутствует на страницах «Известий»-84: 61,5% всех фотографий изображают мужчин, 15,4% женщин, 23,0% - мужчин и женщин вместе. Портреты известных людей, как и во всех советских газетах, единичны.

4. «Комсомольская правда»-1997

Из всех отобранных мною для анализа газет «Комсомолка»-97 уделяет отношениям между полами наибольшее внимание: практически в каждом номере несколько материалов так или иначе касаются этой темы, есть рубрики, которые посвящены ей почти полностью. В то же время тендерные отношения рассматриваются в газете под специфическим углом зрения: в основном как часть жизни различных знаменитостей, известных спортсменов, артистов, музыкантов. 21% всех материалов, содержащих упоминания об отношениях между полами, решены в жанре светской хроники.

Картина гендерных отношений радикально отличается от той, которую предлагают читателям «Известия»-97: представители разных полов отнюдь не враждебны, но весьма заинтересованы друг в друге, и доминантами этого взаимного интереса являются секс и семья. Тема секса и эротики в газете акцентирована, намеренно выдвинута на первый план. Даже статьи на нейтральные темы снабжены броскими игривыми заголовками (например, «*При виде Эроса Шойгу обратился в бегство*» - в заметке речь идет о церемонии награждения лауреатов премии Союза журналистов; «*Очень хочу русскую любовницу*» - интервью с Сотوماйером, олимпийским чемпионом по прыжкам в высоту; «*Кинобабник Никоненко купил ложе любви, чтобы сдать его в музей*» - о коллекционере предметов, связанных с жизнью Есенина).

Герой одной из заметок сформулировал фразу, которая могла бы стать девизом газеты: «*О сексе - основе всего сущего - не думают лишь женщины, пережившие климакс, и мужчины-импотенты*» («Комсомольская правда»-97, № 16). Такого рода высказывания, правда, всегда принадлежат разным экзотическим персонажам (в данном случае - грузинскому полицейскому, который намеревается создать национал-сексуальную партию), журналисты же придерживаются по отношению к ним иронической интонации. Между тем «личная жизнь», важной составной частью которой являются интимные отношения, представляет собой один из явных фокусов газеты. В любом интервью, у кого бы оно ни бралось, следуют обязательные вопросы о семье, любимом человеке, предыдущих браках и разводах. Даже у президента Польши корреспондент интересуется, правда ли, что его звали «Лешек-красавчик», и не ревнует ли его по этому поводу жена.

Семья в «Комсомолке»-97 обладает, конечно, совершенно другой смысловой нагрузкой, чем в газетах советского периода. Это уже не «ячейка общества», а частное дело супругов. Если советская семья репрезентировалась в газете как некая гармоничная целостность (подобная «парсоньянской семье»)⁹, то современная семья предстает в виде арены разнообразных бурных событий, где заметную роль играют измены и разводы. Вообще разводы упоминаются в полтора раза чаще, чем свадьбы.

В то же время между старой и новой «Комсомолкой» есть и определенная преемственность: наряду с сексом, который был для газеты советских времен «запрещенной формой репрезентации»¹⁰, базовой формой тендерных отношений для постсоветской газеты является также романтическая любовь. Правда, теперь доминирующим ее оттенком становится не сентиментально-мелодраматический, а драматический. Одна из частых тем для «Комсомолки»-97 - статьи о вдовах знаменитых людей: Марине Влади, Альбине Листьевой, Екатерине Гордеевой, Марии Бродской. Каждая из них предстает трагической героиней, жизнь которой посвящена отныне сохранению памяти о покойном муже.

«Комсомолка»-97 оказывается ближе остальных газет к традиционной трактовке гендерной роли женщины. Хотя ее героини - чаще всего известные, яркие женщины, но все время подчеркивается, что особую роль для них играет личная жизнь, семья, муж, дети (например, большая статья об актрисе Наталье Аринбасаровой называется «Жить с тем, кого любишь», и уже в подзаголовке подчеркивается, что она была первой женой режиссера Андрона Кончаловского - «Комсомольская правда»-97, № 11). Характерно, что практически все женщины, которые удостоиваются интервью или которым посвящены большие по объему ма-

териалы, - спортсменки, актрисы или поп-звезды, т.е. по сути - секс-символы. И даже когда интервью берут у женщины-политика, то этим политиком оказывается Алессандра Муссолини - бывшая актриса и фотомодель. И вопросы ей задают такие, какие вряд ли бы стали задавать мужчине-политику: одежду какого цвета она предпочитает и как относится к адюльтеру («Комсомольская правда»-97, № 17).

Итак, женщина на страницах «Комсомолки»-97 всегда и прежде всего женщина. Более того, представления о том, что это значит - быть женщиной - часто демонстрируются откровенно сексистские. Так, актриса Александра Захарова на вопрос читательницы, сильная ли она личность, отвечает следующим образом: *«Ой, нет. Я частенько веду себя по-женски и глупо. Например, иду в магазин и покупаю ненужные вещи...»* - «Серьезно?» - *«Да, причем, знаете, какие-нибудь карандашики для ресниц, помаду второсортную. И уже вроде веселей»* («Комсомольская правда»-97, № 8).

Особая категория женщин, о которых пишет «Комсомолка»-97, - подружки и поклонницы знаменитостей. В газете есть специальная рубрика «Пишу кумиру», в которой печатают отрывки из писем поклонников и поклонниц поп-звезд, причем отрывки выбирают самые «цветистые» и нелепые. 80% таких писем написано женщинами. Позиция газеты понятна: таким образом разоблачаются издержки культа поп-идолов, но существует еще и подтекст - репрезентирован образ женщины как психически неуправляемой истерички или нимфоманки.

При этом в «Комсомолке»-97 женщина практически не бывает жертвой. Есть лишь любопытные исключения. В первом случае речь идет о журналистке, пишущей о шоу-бизнесе, *«зверски избитой, остриженной и порезанной бритвой»* (материал игриво называется: «Если так пойдет, то музыкальным журналистам не понадобится парикмахерская»). «Комсомольская правда»-97, № 5).

Второй материал представляет собой заметку о том, что в татарских селах Мордовии возродился обычай кражи невест, причем не как символический ритуал, а в буквальном смысле. *«Местные парни не тратят времени на ухаживания. Не хочет красавица замуж по собственной воле, берут силой»*. По сути, речь идет о киднэпинге и изнасиловании. Но вот как кончается статья. *«Обычно побесятся с полгода и привыкают», - улыбается Ибрагимыч, большой дока в похищениях. Сам он супругу себе «справил» в Саранске (и здесь воруют). На первых порах прятал в райцентре Лямбиль, а потом поставил перед выбором: или примеряешь свадебное платье, или возвращаешься к родителям с позором». Равиля рисковать не стала. А сегодня уже и не ропщет на жизнь: и среди похитителей попадаются путевые мужики»* («Комсомольская

правда»-97, № 7). Корреспондент-мужчина полностью солидаризируется с похитителем, цинично допуская, что насилие может быть вполне удачным началом счастливой семейной жизни. Это высшая точка мужского шовинизма, которую позволяет себе газета.

Нередки и статьи о проституции, причем некоторые из них носят «справочный характер»: интервьюируемый сутенер рассказывает о таксе с клиента, о новых видах услуг, предоставляемых проститутками (обслуживание в бане), о проблемах, которые возникают с правоохранительными органами («Комсомольская правда»-97, № 9). Тон заметки скорее даже сочувственный, чем нейтральный, да и называется она соответственно: «Берегите тружениц горячего цеха!». Проституция называется в статье «самой женской в мире профессией».

Таким образом, за ироническими текстами самой массовой газеты, обращенной к молодежной аудитории, с удивительным постоянством воспроизводятся патриархатный дискурс, причем степень объективизации и стереотипизации женских образов такова, что не уступает журналам для мужчин типа «Плейбой»¹¹.

Материалов о социальных проблемах, стоящих перед женщинами, два. В первой статье речь идет о больной СПИДом женщине. Во второй - об абортках, она называется «Они никогда не увидят солнца», и отношение к ним автора (женщины) резко отрицательное, речь идет о «грехе убийства». Никакого другого мнения по этому поводу не приводится.

Мужские персонажи, как и во всех остальных газетах, имеют меньше личностных черт, чем женщины, поскольку являются более деятельными, чем рефлексивными. Но большинство из тех, кто лучше «прописан», имеют явные плейбойские черты. Характерная черта почти всех мужчин, фигурирующих в «Комсомолке»-97, - наличие нескольких партнерш.

Государство и тендерные отношения, государство и семья на страницах «Комсомолки-97» вообще не пересекаются, и это не удивительно: речь идет обычно об отношениях конкретных, известных всей стране (а иногда и всему миру) людей, все их личные коллизии уникальны и единичны, что не мешает описывать их с помощью газетных штампов. Они не составляют социальной проблемы и служат лишь источником удовлетворения любопытства.

Видеоряд «Комсомолки»-97 несколько чаще, чем в других газетах, включает женские образы: 56,1% всех фотоперсонажей - мужчины, 22,7% - женщины, на 21,2% присутствуют мужчины и женщины вместе.

Контекст газеты легко объясняет эту тенденцию: в ней преобладают развлекательные материалы, и красивые, сексапильные женщины прекрасно их иллюстрируют (но все равно мужчины представлены в 2,5

раза чаще). Фотографии знаменитостей абсолютно преобладают для обоих полов: 97,4% мужчин и 68,2% женщин, появившихся на иллюстрациях газеты - известные люди.

5. «Советская Россия» - 84

«Советская Россия» за январь-февраль 1984 г. очень похожа и на «Известия», и на «Комсомолку» того же года издания, поэтому я остановлюсь кратко лишь на некоторых ее особенностях.

Как и в других советских газетах, определяющую роль в детерминировании самого смысла тендерных отношений играет государство. Но для «Советской России» характерно то, что государство не пытается заместить собой семью, как это иногда показывалось в других советских газетах, но является хранителем и гарантом «традиционных ценностей». На страницах «Советской России»-84 практически не фигурируют неполные семьи, но государство является как бы дополнительным «членом семьи», придающим ей смысл и значение.

То, что именно мужчина играет в семье доминирующую роль, принимается как само собой разумеющееся. Высшая же ценность и смысл жизни мужчины - его работа. Очередной передовик производства формулирует: *« Главой и хозяином дома может быть только увлеченный, уверенный в себе работник. Жены любят нас сильными, а чем, как не делом, мы держимся?»* («Советская Россия»-84, № 9). Частое повторение таких выражений, как *хозяин, глава семьи, сильный*, не оставляет сомнений в том, что речь все время идет именно о властных отношениях.

Но государство как высший патриарх требует своей доли власти, и именно оно расставляет членов семьи по местам. Вот еще одна семья, на этот раз принадлежащая к поколению среднего возраста. Глава семьи - председатель колхоза. Перед его женой стояла проблема обретения идентичности: *«Что мужу-руководителю надо? - наставляли ее опытные доброжелательницы. - Крепкий тыл! Чтобы пришел муж: домой в ночь, заполночь; жена - полотенце на руки, к столу ведет, пушинки с плеч сдувает. Чтобы руководил муж: на свой дом не оглядываясь.*

Тоня думала, размышляю, и все больше отвергала такой тыл для мужа. Пусть усталый, голодный придет Витя, рассуждаю она, но ему все равно скоро поговорить захочется, быть может, поделиться какими-то сомнениями, наболевшим. А о чем она, домашняя хозяйка, с ним может поговорить - о кастрюлях, соленьях-вареньях? Один раз промолчишь, другой - он махнет рукой, перестанет делиться. Да разве

184

и не найдется в селе таких, которые при случае упрекнут Виктора: «Нас в поле, на ферму гонишь, а свою - в барынях держишь?» (материал «Жена председателя», «Советская Россия»-84, № 15). В итоге Тоня идет работать бригадиром, помогая мужу не только дома, но и в колхозе, и тогда все в семье встает на свои места.

«Семья» как идеологический концепт настолько плотно вплетается в идеологическую практику, что это дает основание одному из читателей «Советской России»-84 с недоумением спрашивать в письме в газету: «Есть ли у президента Рейгана семья - мать, жена, дети, и если есть, то как они принимают к сердцу, что их сын, муж; отец задумал убить сразу всю планету, все человечество на ней?» («Советская Россия»-84, № 1).

Наконец, еще одной особенностью «Советской России» является откровенное признание того, что мужчины - существа более ценные, обладающие рядом важных качеств, отсутствующих у женщин. Это осознается и на уровне семьи («Долгое время семье Панфиловых не давала покоя одна неприятность. Не было в ней продолжателя фамилии. Как назло, рождались одни девочки» («Советская Россия»-84, № 11), и на уровне государства («Сегодня в школах почти нет учителей-мужчин, и это сильно ухудшает положение дел. Если проблема пополнения школ учителями-мужчинами не будет решена, то какие бы меры ни принимались, они не дадут желаемого положительного характера» («Советская Россия»-84, № 5).

Распределение полов на фотографиях выглядит следующим образом: на 49,4% снимков изображены мужчины, на 25,3% женщины, а еще на 25,3% - и мужчины, и женщины вместе.

6. «Советская Россия»-97

«Советская Россия» за январь-февраль 1997 г. существенно отличается от прочих газет: гендерные роли и гендерные отношения в ней практически не репрезентируются вообще. Газета почти полностью посвящена политическим вопросам, и действующие в ней лица в основном представляют собой одномерные проекции политических деятелей. В этом бесполом мире лишь иногда бывают вкрапления событий, пол участников которых имеет какое-то значение. Прежде всего, это чрезвычайно остро представленная оппозиция безжалостного государства и его беспомощных и бесправных жертв. А в роли жертв, естественно, убедительнее смотрятся женщины. Так, например, в «Советской России» № 15 упоминается «женщина, работница втуза, покончившая с собой из-за безденежья и невозможности выжить». В этом же мате-

риале, кстати, приводится весьма убедительная картина развала государственной системы социального обеспечения в одном из северных городов и тех тяжелых последствий, которые в этой связи легли на плечи женщин: *«Женщины по полгода ждут выплаты декретных денег или алиментов. За последние 5 лет в нашем городе не родилось ни одного здорового ребенка. Ни одного! Беременные женщины, которые еще отваживаются иметь детей, страдают анемией, болезнями крови, поздними токсикозами. Сегодня даже в родильном доме кормят супом на воде, не дают молока, мяса...»* Ситуация действительно драматическая и описана, по всей видимости, вполне адекватно, но суть дискурса заключается не в сочувствии к женщинам, а в его политической направленности, для которой подбираются наиболее эффектные аргументы. Женщины-жертвы важны здесь не как таковые, а как персонажи памфлета против существующего политического строя, поэтому вывод из статьи делается следующий: *«Так нас отучают иметь детей, убивают самый главный инстинкт - инстинкт материнства, с потерей которого неизбежно истребление народа», т.е. главной страдающей стороной оказывается «народ в целом».*

В остальных случаях женщины упоминаются мельком, но из этих беглых упоминаний можно составить представление о том, каковы положительные и отрицательные героини «Советской России». Здесь тоже простая и жесткая дихотомия: «плохие женщины» корыстны (*«От учителя географии Ковалевского ушла жена. - Ты не способен добывать деньги, - сказала она»* («Советская Россия»-97, № 7), «хорошие» соответствуют традиционным представлениям о жене, матери, патриотке.

Таким образом, «Советская Россия» оказалась самой последовательной из трех газет. Мы видим практически полную преемственность дискурса применительно к гендерным отношениям с двумя только поправками. Во-первых, из этой сферы жизни уходит идиллия: когда Родина страдает, никакого личного счастья быть не может. Поэтому современные женщины, с симпатией описываемые на страницах «Советской России»-97 (например, актриса Т.Самойлова), обычно облачены в черное и всем своим печальным видом демонстрируют, что скорбят вместе с Россией. Во-вторых, сами упоминания тендерных отношений сведены почти к нулю, и это не случайно: согласно советской традиции патриархатной идеологии, которой более или менее придерживается «Советская Россия», назначение семьи определяется на государственном уровне; когда же государство оказывается чужим и идеологически враждебным, теряется сам предмет контроля. Семья как концепт разрушается и теряет свои общественно полезные функции (а мы видели уже, что для совет-

ской идеологии базовой формой тендерных отношений является именно семья).

Видеоряд «Советской России» такой же явно маскулинный, как и в других газетах: 65,6% всех портретов - мужские, 15,1% - женские, 19,3% - общие. Однако есть и специфика: только в этой газете доля знаменитостей среди опубликованных женских фотографий превышает такую долю для мужчин (71,4% и 55,7% соответственно). Этот феномен, на мой взгляд, объясняется уникальной политической цельностью газеты. Как описано выше, «Советскую Россию» не интересуют женщины как таковые, в данном историческом контексте востребованы именно деятельницы оппозиционного движения, они в основном и фигурируют на фотоснимках.

7. Некоторые выводы

Анализ трех массовых российских газет оказался весьма продуктивным способом изучения динамики тендерной репрезентации в России. Идиллическая картина взаимоотношений между полами, нарисованная советскими газетами, держится на поддержке и опеке государства. Когда государство из заботливого патрона превращается на страницах прессы в кровожадного хищника, предоставленные сами себе мужчины и женщины оказываются в состоянии войны друг с другом. Все три газеты в той или иной степени поменяли стиль: от изображения «порядочных советских людей», непонятно каким образом совмещающих воспитание пятерых детей с успешной работой, они перешли к описанию проблемных сторон действительности. Обличительный пафос при этом часто успешно сочетается с «жареными сюжетами», призванными привлечь внимание читателей. Это, конечно, не может не сказаться на репрезентации мужчин и женщин, а также отношений между ними.

Все три советские газеты принадлежат к единому дискурсу, демонстрируя приверженность одинаковым ценностям и одним и тем же властным отношениям. Тендерные роли и связанные с ними ценности определены достаточно четко, хотя нюансы могут различаться.

В то же время появление в центральных газетах вместо единого нескольких «дискурсов пола», даже если ни один из них не является равноправным, внушает определенную надежду. Дж. Батлер предлагала деконструировать мистифицированные идентичности, анализируя дискурсы и вскрывая приемы, с помощью которых они извращаются¹². Калейдоскопичная картина современных российских масс-медиа дает возможность сделать этот анализ более эффективным, вскрывая властные отношения, которыми пропитана «сфера пола». Конструирование

гендерных ролей в любом случае не происходит автоматически, по желанию политиков и редакторов газет, и критически прочитанные тексты могут дать почву не для «промывания мозгов», а для понимания своих реальных интересов и возможностей, а если надо, то и для сопротивления.

-
- ¹ См., напр.: **Byars J.** All that Hollywood Allows. Re-reading gender in 1950s melodrama. **Chapel Hill, NC:** University of North Carolina Press. 1991; Erens P. (ed.) Issues in feminist film criticism. Bloomington. IN: Indiana University Press. 1990; Gallagher M. Women and men in the media // Communication Research Trends, special issue 12 (1). P. 1-36; Tuchman. G Heart and home. Images of women and the media. New York: Oxford University Press-
Winship J. Inside Women's magazines. London: Pandora Press. 1987 и пр.
- ² **Mulvey L.** Visual pleasure and narrative cinema // Erens P. (ed.) Issues in Feminist Film Criticism. Bloomington. IN: Indiana University Press. 1990. P.28-71; Rhode D. Media images, feminist issues//Signs: Journal of Women in Culture and Society 1995. V.20. N 3. P 685-710.
- ³ **McQuail D.** Mass communication theory: An Introduction. London Sage. 1987; Fleur M. de. Ball-Rokeach S. Theories of mass communication. London: Longman. 1982.
- ⁴ **Clements B.** The Birth of the New Soviet Woman // Gleason A. et al (eds) Bolshevik Culture. Bloomington: Indiana University Press. 1989) P. 220-237. Goldman W. Women, the State and Revolution. Soviet Family Policy and Social li fe. 1917-1916. P.254-295.
- ⁵ Термин «легитимный» употребляется здесь в том же смысле, что и «легитимный гендерный контракт» в статье А.Темкиной и А.Роткирх.
- ⁶ См.. например, **Budgeon S...**Currie O. From feminism to postmodernism. Women's liberation in fashion magazines // Women's Studies International Forum. 1995. V.18. No 2 P.173-187; Williamson J. Decoding advertisements: Ideology and meaning in advertisements. London: Marion Boyers, 1978.
- ⁷ **Potter J.** Wetherell M. Analyzing discourse // Bryman A. and Burgess R. (eds) Analyzing Qualitative Data. London and New York: Routledge. 1995. P.47-66.
- ⁸ **Giddens A.** The Transformation of Intimacy: Sexuality. Love & Eroticism in Modern Societies. Cambridge: Polity Press, 1992.
- ⁹ **Parsons T.** The American Family: Its Relations to Personality and to the Social Structure // Parsons T.. Bales R. Family. Socialization and Interaction Process. Glencoe. IL: Free Press 1955.
- ¹⁰ См.: **Schostak J.** Dirty marks: The education of self - media and popular culture. London: Pluto press, 1993. P.89-112.
- ¹¹ **Breazeale K.** In spite of women: Esquire' Magazine and the construction of the male consumer//Signs. 1994. V.20. No.1. P.190.
- ¹² **Butler J.** Ibid. P.190.